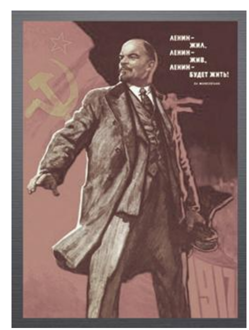
Анализ цикла "Рассказы о Ленине" Зощенко М.М.

Немало написано уже о художественном языке М.М. Зощенко, однако в некоторых исследованиях главенствует разработка сложившихся уже представлений, которым и подчиняется авторское истолкование произведений.

Хорошо известно, между тем, что у Михаила Михайловича прочитывалось многое в контексте советской подцензурной эпохи. На его создания переносилась творческая стесненность личности без учета возможностей художественного слова не только преодолевать цензурные препоны, но также и уводить автора от приспособительных упрощений и рассудочного страха.

В предисловии к циклу под названием "Никогда не забудете (Рассказы о партизанах)", своему не самому удачному произведению, Зощенко однажды противопоставил "документальность" и "подлинную жизнь" "приглаженной беллетристике" (см. Зощенко Мих. Рассказы. Фельетоны. Комедии. М., 1963. С. 14). Но если отвлечься от условий появления этого произведения и его специфики, мы увидим, что для Михаила Михайловича "приглаженная беллетристика" оказалась предпочтительнее установок на "документальность" и фотографическое воссоздание так называемой "подлинной жизни". В литературе советского периода "документальность" не могла не быть имитацией подлинной фактологии. Однако, с другой стороны, эта беллетризация позволяла писателю выявить подлинный смысл фактов, увидеть за их внешней стороной другую, порой жестко противополагаемую ей суть.

Истинные причины обращения Михаила Михайловича к ленинской теме вряд ли можно сегодня назвать с непреложной достоверностью. Но делать это и не обязательно. Имеется результат этого обращения, цикл "Рассказы о Ленине". Его вполне достаточно для того, чтобы реконструировать, по меньшей мере, несколько важных черт творческого почерка этого писателя.

В январе 1947 года Зощенко высказался отрицательно о"приглаженной беллетристике" (такова авторская датировка предисловия к циклу под названием "Никогда не забудете). Писатель менее чем за 10 лет до этого вошел без видимых на то побуждений "от начальства" в сферу советской литературы, которая была без преувеличений предельным выражением, являлась олицетворением формы самой этой "приглаженной беллетристики".

Взявшись за создание произведений о "вожде", к тому же в годы, которые впоследствии получили название эпохи "большого террора", Зощенко, как опытный литератор с запасом проработок, не мог не понимать, что очень ненадежной защитой является защита именем Ленина. Обвинения во вражеских происках, в очернительстве, в клевете могло вызвать само использование этого сакрального образа. И если Михаил Михайлович решился все же писать о Ленине, следует искать объяснения этому не в материальном прагматизме, а в том, что он просто не мог не писать.

Очевидно, что, написав "Рассказы о Ленине", Зощенко создал художественный шедевр. Но смысл его был совсем не в том, чтобы доступным и простым для детского восприятия языком написать об этом вожде. Приданная к заглавию всего цикла авторская помета: "Эти рассказы написаны мною для детей дошкольного возраста", - обмануть может лишь читателя, желающего обмануться. Эти рассказы, безусловно, можно читать детям, причем именно они о них высказывают нередко столь проницательные суждения и замечания, что профессиональные критики могли бы позавидовать им. Однако чуть ли не в

Категории раздела

первой рецензии на этот цикл (рецензия Р. Ковнатора в журнале "Ленинград", 1941 год, №6) говорилось о том, что написанные необычайно ясно и легко, с предельной простотой, рассказы Зощенко о Ленине далеко выходят за рамки "детского чтения".

После того, как в конце декабря 1939 года - начале января 1940 Детиздат выпустил "Рассказы о Ленине", не дошедшие до юного читателя и из-за автолитографий Н. Тырсы, которые были признаны крамольными, в марте 1941 "Рассказы о Ленине" появились тиражом в 50 тыс. экземпляров в совсем не детской "Библиотеке журнала "Огонек", а чуть позже, в апреле, - также в ленинградском Учпедгизе тиражом в 25 тыс. экземпляров.

Как видно, выход массовым тиражом книжки Зощенко в популярной библиотечке определял немного иной, чем у писателя, адрес рассказов. Произведения предлагались для народного чтения, с его сложившейся еще в 19 веке спецификой. Эту специфику коротко можно определить, обратившись к зощенковским выражениям: сочинения подобного рода как будто предназначены для *людей* "дошкольного возраста". Потребность сводить к простому сложное, статичность жизненных представлений, умение не замечать очевидного и сомневаться в своих чувствах, предпочитать диктат сторонних авторитетов собственному опыту - это лишь несколько черт, которые определяют сущность людей "дошкольного возраста". Лишь они могут сказать о ленининиане Зощенко, что из многочисленных слагаемых личности вождя отобрано бережно главное, доступное юному сознанию, без которого представление о Ленине было бы немыслимо. "Самый человечный человек" и "прост как правда"- эти мысли цементируют весь цикл. Художественная форма рассказов также подчинена этому заданию. Трезвомысленный и политически не экзальтированный читатель по-иному прочтет рассказы Зощенко.

Давно известно о том, что Михаил Михайлович брал в основу рассказов о Ленине воспоминания его близких и родных. То есть, он шел к "беллетристике" от "документальности".

Открывает цикл рассказ под названием "Графин". Его сюжет, казалось бы, очень прост. Володя, восьмилетний мальчик, приехав к тете в гости, разбил случайно хрустальный графин. Не смогли взрослые обнаружить виновного, однако мальчик в проступке признался сам.

Произошло это, правда, спустя два месяца. После этого признания мать Володи думает о нем: "Теперь, когда он признался - ему стало легко, и вот он даже с улыбкой заснул". Размышление это поставлено автором в конец рассказа. То есть, перед читателем некий урок морали... Однако он едва ли относится к нравственным.

Ведь ход наших мыслей может быть иным, чем у матери будущего вождя, которая думала о том, что "он два месяца помнил об этой истории и два месяца огорчался, что случайно сказал неправду!". Понятие давности имеется в уголовном праве, хорошо знакомое любому взрослому человеку. Уголовное дело, в частности, нельзя возбудить, а возбужденное дело подлежит прекращению за истечением сроков давности.

В 8 лет Володя едва ли помышлял о юридическом образовании. Однако уже в этом догимназическом возрасте он осознал интуитивно выгодность такой нормы и применил успешно ее на практике. Кто же будет ругать за проступок, который был совершен так давно?! Справедливости ради следует отметить, что не один только Володя, а очень многие дети используют такую нехитрую хитрость - сначала выждать время, а потом признаться.

Столь же парадоксален по моральным выводам и не менее сложен второй рассказ цикла под названием "Серенький козлик". Маленький Ленин здесь (у Зощенко Ульянова нет - лишь Ленин, даже когда герой не подозревал о том, что он будет Лениным) воспитывает у "очень хорошего и доброго мальчика", своего брата Мити, храбрость.

Но брат его "был очень уж жалостливый", а Володя считал, что "дети должны быть храбрыми". Наилучшим средством воспитания того, что сам он считал храбростью, а мы можем назвать безжалостностью и жестокостью, казалась ему песня о съеденном волками козлике.

Нельзя при том не заметить, что в рассказе "О том, как Ленин купил одному мальчику игрушку" эти своеобразные представления вождя о правилах приличия и нравственности получают дальнейшее развитие. Без преувеличений Ленин здесь разыгрывает рабочего. Он, находясь в Цюрихе в эмиграции, приходит на собрание для того, чтобы послушать вождя.

При этом все благопристойно внешне. Ленин отправляется гулять с сыном этого рабочего, покупает мальчику игрушечный парусник и пускает его в фонтане вместе с ним. Но, как наш герой любил повторять, по форме правильно, однако по существу издевательство. Прежде всего, он не представился

этому рабочему, хотя тот сказал, что ждет именно Ленина. К тому же, хотя в зале собралось уже много публики и из-за неявления вождя люди стали волноваться, Ленин продолжал играть с мальчиком.

Ситуация показывает объективно равнозначность для Ленина выступления перед пролетариатом, на который, как известно, он делал в борьбе за власть главную ставку, и развлечений с ребенком. Для Ленина и то и другое - игра. В его поведении это игровое начало занимает в сюжетах многих рассказов цикла ключевое место, делая постепенно Ленина фигурой из круга зощенковских персонажей, а не из мира исторических героев.

Таковым является даже безобидный и, казалось бы, полезный для целей возрастного санпросвета рассказ, который называется "О том, как Ленин бросил курить". Герой здесь от курения отказывается по экономическим причинам, однако ему приходится для этого применить "огромную волю". Ленин, страстный пропагандист марксизма, тем самым представлен посрамителем его, так как, согласно Марксу, управляют людьми именно материальные побуждения. Воля же относится к неким второстепенным человеческим началам. Зощенко завершает свой рассказ следующим образом: "Это был сильный человек, с железной волей. И всем людям надо быть такими же, как он". Вольно или невольно здесь возникает напоминание о тезисе Шопенгауэра "мир как воля и представление", столь же знаменитом, сколь и бранимом марксистскими философами во главе с самим Лениным. Экономика, по Зощенко, от человеческих представлений неотделима (тем более, что в произведении и Мария Александровна намеренно говорит своему сыну о дороговизне папирос для семейного бюджета: и здесь экономика служит более тонким материям, таким как забота матери о здоровье своего сына и т.п.).

"Рассказ о том, как Ленин учился", третий в цикле, нашего героя выводит за пределы семьи, в которой тот вырос. Мы можем увидеть вождя в мире, в обществе. Этот мир он поклялся до основанья разрушить и сумел это осуществить.

Как всегда у Михаила Михайловича Зощенко, автор-повествователь, невозмутимо-наивный, для начала сообщает, что "начальники" Ленина исключили из университета потому, что тот был революционером, чего не терпело начальство. Надо учесть при этом, что еще в советское время старшим школьникам было известно о том, что в дооктябрьской России, после реформ Александра II, образование было довольно демократизировано. Сам текст "Рассказа о том, как Ленин учился" указывает на внутреннюю противоречивость ситуации. Ленина из-за того, что он был революционером, исключили из университета, однако позволили затем сдать экстерном экзамены. И они, как показывает рассказ (и так в действительности было!) приняты были честно, без оглядок на смутьянство будущего вождя. Добродушными людьми показаны царские администраторы. Причем данный в рассказе задел развитие получает и в последующих частях цикла.

Парадокс присутствует в "Рассказе о том, как Ленин перехитрил жандармов". Вождь выглядит хитрее, однако совсем не умнее ленивцев-жандармов. Очень определенно здесь, более того, показывается, что мир, в котором действовал и жил Ленин, отнюдь не был миром воплощенной несправедливости. В этой своеобразной безмятежной обломовке, как показывает МихаилМихайлович, только Ленин находится в действии, постоянном и двусмысленном при этом, среди грозных недотеп и добряков.

Тема "хорошего плохого старого мира" достигает гротесковой кульминации в рассказе под названием "Иногда можно кушать чернильницы". Действие, развертывающееся в нем, абсурдным является уже потому. что, сидя в "царской тюрьме" как "революционер", Ленин имеет возможность создать "революционную и очень нужную книгу". Это действие, описание подробностей быта вождя в тюрьме становится гротескно-фарсовым, если вспомнить быт ГУЛАГа, советских тюрем, все то, что и без книг известно в 20 веке любому бывшему советскому человеку.

Михаил Зощенко старый мир бранит, однако лениво. Для этого он использует затертые слова большевистской пропаганды, показывая его милым в своей неуклюжести. Новый мир не таков. Ленин в нем - вождь, а не революционер, убегающий от жандармов.

Каждый сюжет здесь рассказывает о какой-либо нелепости, которая происходит с населяющими "новый старый мир" жителями. А поскольку центральное место в каждом таком событии отводится Ленину, смысл происходящих нелепиц в конце концов непременно связывается с ним.

В рассказе "В парикмахерской" классический сюжет достигает чуть ли не оперной взвинченности страстей с массовой сценой в финале, как это и положено в опере: "И все смотрят, как парикмахер осторожно и вежливо бреет Ленина. И все смотрят на товарища Ленина и думают: "Это великий человек! Но какой он скромный".

Условность, оперность и нелепость происходящего с людьми и произносимого открывается в еще большей степени в рассказе "Покушение на Ленина". Уже в зачине произведения обнаруживается зерно причин

произошедшего:

"Он хотел, чтобы все люди, которые работают, жили бы очень хорошо. И он не любил тех, кто не работает".

Подобное изложение выступлений вождя является не просто адаптацией их для "детей дошкольного возраста". Эта прямое выражение, точная передача того, что хотел сделать "самый человечный человек", и что он делал. Ленин, причисляя к "паразитическим", "эксплуататорским" слоям общества всех, кого ему заблагорассудилось, действительно им отказывал в праве жить, в праве "кушать". Заметим, однако, что в рассказе "О том, как тетушка Федосья беседовала с Лениным" и вдове, для того, чтобы получить за работягу-мужа пенсию, приходиться добираться до Ленина. Зощенко таким образом раскрывает фиктивность главных пропагандистских лозунгов большевизма, которые преследовали цель подготовки мировой революции, а не "заботы о благе трудящихся".

Как и положено в цикле, тонкие смысловые связи существуют между его частями. Не щадивший тех, кто с его желанием "заново переделать жизнь" не соглашался, Ленин во время охоты пожалел лису. Но и этот, возможно, единственный недвусмысленно гуманный поступок Ленина на фоне цикла о Ленине, уже известного читателям (рассказом "На охоте" он завершается") приобретает иное звучание. Например, в предшествующем рассказе под названием "Пчелы" происходит подготовление финального вывода из всего цикла. Вождь находит пасеку, следуя за полетом пчел. Этим он озадачивает пчеловода (новоязное "пчеловод"

заменило традиционно русское "*бортник*" случайно ли здесь психологический облик Ленина, сама манера его поведения напоминают другого вождя, бывшего у власти, когда рассказ писался, — лучшего друга советских физкультурников, великого учителя советских шахтеров, селекционеров, композиторов и, конечно, пчеловодов тоже?!). Тем самым, с одной стороны, Зощенко сохраняет свою тональность в изображении людей «нового мира», где даже мастера своего дела теряют рассудок в присутствии Ленина (в частности, в рассказе «О том, как Ленину подарили рыбу» рыбак «бормочет» Ленину: «Исключительно вкусная рыба. Поймали прямо в воде»), а с другой — уводит Ленина все дальше от управления государством — в поля, сады, леса... Там он безопаснее.

Известно, что на рабочем столе Ульянова-Ленина стояло некое скульптурное изображение обезьяны. И хотя у Зощенко «ленинского» рассказа связанного с этой обезьяной нет, она, конечно, к случаю вспоминается. Написав злейшую сатиру не только на вождя большевиков, но и на само мироустройство, по его велениям возникшее, высмеяв заодно приемы биографического мифотворчества, Зощенко уцелел, подойдя вплотную под стены крепости, которую взяли большевики.

Но кому, как не ему, следовало знать, что в абсурдном, вывернутом наизнанку мире, называемом советское общество, карают не за что-то, а потому что. Невиннейший, действительно детский рассказ, при первой публикации названный даже не «Приключения обезьяны», а «...обезьянки», превратил автора «Рассказов о Ленине» в литературного изгоя, в парию среди советского народа, монолитно сплоченного вокруг ленинско-сталинской партии.

Как человек, как физическое лицо Зощенко, разумеется, тяжело и долго, вплоть до преждевременной кончины, страдал. Но как писатель очень высокого класса он должен был бы, во-первых, по достоинству оценить звериную проницательность власть предержащих по отношению к нему (его не съели сразу лишь потому, что до поры голода не было, сытости хватало от других). И, во-вторых, порадоваться собственному художественному мастерству, своему умению писать так, что и через долгие годы созданное им сохраняет животворную силу, которая движет мысль, возвышает чувство.

По материалам статьи А. Жолковского «Приглаженная беллетристика» как форма художественного языка Зощенко».

